

WOLFGANG WILL. *Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen.* Bonn: Habelt, 2006. 170 S.

Казалось бы, совсем недавно на страницах ВДИ вышла наша рецензия на монографию Вольфганга Вилля «Фукидид и Перикл»¹. А тем временем активно работающий немецкий антиковед уже опубликовал новую книгу. Эта последняя, хотя и не является продолжением предыдущей в прямом смысле слова, но тем не менее тесно примыкает к ней в целом ряде отношений: по тематике, хронологическим рамкам, источниковой базе. Ведь предметом исследования и в данном случае становится военно-политическая история Афин второй половины V в. до н.э., но рассмотренная сквозь специфическую призму восприятия авторами-современниками, среди которых главное место опять же уделяется Фукидиду (что видно уже из подзаголовка рецензируемой работы).

Кстати, о названии. Полностью оно звучит так: «Падение Мелоса: силовая политика в суждениях Фукидида и некоторых его современников». Если не обратить внимания на упомянутый подзаголовок – а это тем легче сделать, что он появляется только на обложке книги, но почему-то отсутствует на титульном листе, где он был бы более уместен, – и прочесть только основное название, может сложиться впечатление, что работа посвящена одному конкретному эпизоду Пелопоннесской войны: взятию в 416 г. до н.э. афинским флотом нейтрального острова Мелоса, сопровождавшемуся жесточайшей расправой над его жителями (все взрослые мужчины были перебиты, а женщины и дети проданы в рабство; см. Thuc. V. 116. 4). Но на самом деле это не вполне так: мелосская кампания служит для В. Вилля скорее отправным пунктом для рассмотрения ряда вопросов более общего характера, прежде всего об отношении к войне и политике со стороны отдельных видных интеллектуалов этой эпохи. Как станет ясно из дальнейшего, речь идет о Еврипиде, Диагоре Мелосском и, естественно, Фукидиде.

И этот подход представляется вполне имеющим как право на существование, так и свою внутреннюю логику. Достаточно напомнить, что именно в связи с акцией по покорению Мелоса Фукидид вводит в свою историю знаменитый «Мелосский диалог» (V. 85–113)². В этом уникальном тексте с поразительной откровенностью, доходящей местами до цинизма, показаны скрытые механизмы внешнеполитического процесса; не случайно он на протяжении веков остается одним из самых влиятельных и популярных в мировой политологии (наряду с классическими трудами Макиавелли, Гоббса и др.). Интерес драматурга Еврипида к проблемам политики, более или менее эксплицитно проявляющийся почти во всех его сочинениях, тоже хорошо известен. Несколько более чужеродно смотрится в этой «компании» Диагор, само имя которого в наши дни слышали разве что специалисты. Нам еще предстоит коснуться вопроса, насколько оправданно и корректно «мелосский безбожник» поставлен автором в данный контекст.

Мы бы затруднились дать точное определение жанра, в котором написана небольшая книга В. Вилля. С одной стороны, она, несомненно, обладает всеми признаками монографии. Присутствует достаточно серьезный научно-справочный аппарат (в концевых сносках). Работа имеет, бесспорно, не описательный, а исследовательский характер, содержит оригинальные авторские идеи. С другой же стороны, при знакомстве с ней создается впечатление, что автор сознательно ввел в изложение элементы «популярного», эссеистичного стиля, – вероятно, с целью увеличить потенциальную читательскую аудиторию, сделать книгу интересной не только коллегам-антиковедам, но и более широким слоям «образованной публики».

Во всяком случае, роль введения к «Падению Мелоса» играет «История Пелопоннесской войны в кратких тезисах» (с. 9–23). Специалисту это сжатое повторение хорошо известных

¹ Will W. Thukydides und Perikles. Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003; рец. Суриков И.Е. // ВДИ. 2006. № 3. С. 214–220.

² Из обширной литературы о «Мелосском диалоге» см., например: Олкер Х.Р. Диалектическая логика «Мелосского диалога» Фукидида // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 282–313; Treu M. Athen und Melos und der Melierdialog des Thukydides // Historia. 1953. 2. S. 253–273; Canfora L. Per una storia del dialogo dei Meli e degli Ateniesi // Belfagor. 1971. 26. P. 409–426; Connor W.R. Thucydides. Princeton, 1984. P. 147 ff.; Seaman M.G. The Athenian Expedition to Melos in 416 B.C. // Historia. 1997. 46. S. 385–418; Vickers M. Alcibiades and Melos: Thucydides 5. 84–116 // Historia. 1999. 48. S. 265–281.

фактов читать, разумеется, нет никакой надобности: ничего нового для себя он здесь не почерпнет. А вот для человека, которому не приходилось ранее близко сталкиваться с историей Древней Греции, такой очерк, наверное, окажется не излишним – хотя бы для того, чтобы лучше ориентироваться в дальнейших выкладках автора. Далее по ходу книги снова неоднократно встречаются некоторые длинные, простой пересказ источников.

Упомянутая «эссенцичность» работы проявляется во многом – и в ее общей структуре (главы в ней называются не главами, а почему-то «*erga*» и «*logoí*»; всего в книге 4 главы-«*erga*»³ и 3 главы-«*logoí*»), и в ее содержании. В. Вилль стремится не столько к строгому, ответственному обоснованию выдвигаемых им положений, сколько к тому, чтобы эти положения звучали оригинально, ярко, подчас парадоксально. В результате наблюдения и выводы исследователя весьма часто небезынтересны, но еще чаще недоказуемы или, по крайней мере, не доказаны в надлежащей мере. И во всех без исключения случаях, скажем откровенно, они весьма претенциозны.

Итак, почему же точкой отсчета, отталкиваясь от которой автор развивает довольно притягательную цепь рассуждений, избрано именно взятие афинянами Мелоса? В самой общей форме В. Вилль поясняет свою позицию уже в «Прологе» (с. 7–8), из которого некоторые ключевые места имеет смысл процитировать дословно: «Падение Мелоса – поворотный пункт в истории великой державы Афин. По крайней мере, Фукидид может быть понять именно так... В Афинах захват острова способствовал переоценке собственных сил. Решение народного собрания весной 415 г. до н.э. – предпринять крупнейшую в истории города морскую экспедицию – имело место, в числе прочего, благодаря обманчивой надежде, что Сицилию можно будет так же легко покорить, как и Мелос». Ну, а поскольку, как известно, именно после катастрофы на Сицилии началась серия неудач Афин, приведшая к их конечному поражению⁴, – логически следует вывод, что первоначальным «корнем» всего этого хода событий явилась именно победа над Мелосом.

Подобный ход мыслей, несомненно, имеет свои резоны⁵ (хотя, пожалуй, и есть в нем некоторое преувеличение: вряд ли на самом деле афиняне всерьез считали, что громадная Сицилия станет столь же легкой добычей, как маленький Мелос⁶). Поэтому В. Вилль здесь же, в «Прологе», ставит свою задачу следующим образом: «В центре этой книги находятся не осада и разорение Мелоса, а последствия этого события». Причем имеются в виду прежде всего последствия для интеллектуальной жизни греческого мира, а не для чисто военно-политической истории. Соответственно, мелосской кампании как таковой (вместе со всей ее предысторией) отводится лишь несколько страниц текста книги. Это глава «*Erga I. Захват Мелоса (416/415 г. до н.э.)*» (с. 25–30). А далее речь заходит о совсем других вещах.

Так, следующая глава – «*Logoí I. Еврипид: Мелиянки*» (с. 31–41) – озаглавлена, насколько можно судить, сознательно парадоксально. У Еврипида не было драмы «Мелиянки», он вообще не писал эксплицитно о событиях своего времени, а брал сюжеты для трагедий исключительно из мифологии⁷. В качестве же «Мелиянок» у В. Вилля фигурируют поставленные весной 415 г. до н.э. еврипидовские «Троянки». По единодушному мнению исследователей, это одно из самых сильных (если не самое сильное) в художественном отношении произведение младшего из триады великих афинских трагедиографов. И в то же время – самое мрачное,

³ Именно эти главы в наибольшей степени тяготеют к описательности.

⁴ Впрочем, традиционное в историографии отношение к Сицилийской экспедиции как к авантюре, заведомо и однозначно обреченной на фиаско, все-таки не представляется безусловно правомерным. Все чаще раздаются голоса в пользу той точки зрения, что при некоторых обстоятельствах эта операция вполне могла бы быть успешной для Афин. См., например: *Buck R.J. The Sicilian Expedition // Ancient History Bulletin. 1988. 2. 4. P. 73–79; Ellis W.M. Alcibiades. L.–N.Y., 1989. P. 53 ff.; Jordan B. The Sicilian Expedition was a Potemkin Fleet // Classical Quarterly. 2000. 50. 1. P. 63–79; Суриков И.Е. Была ли Сицилийская экспедиция авантюрой? // Antiquitas aeterna. 2007. Вып. 2. С. 30–39.*

⁵ Во всяком случае, именно так считал Фукидид, что справедливо подчеркивается У.Р. Коннором (Op. cit. P. 157).

⁶ С.Г. Карпюк верно отмечает, что Сицилию – ввиду ее уникальности – греки (в том числе и сам Фукидид) воспринимали, мягко говоря, не вполне как остров (Карпюк С.Г. Политическая география классических Афин: Фукидид и его современники об островах и островитянах // ВДИ. 2005. № 2. С. 36–37).

⁷ Как то и было принято в афинском театре его времени. Подробнее см. Суриков И.Е. Клио на подмостках: классическая греческая драма и историческое сознание // «Цепь времени»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 89–104.

гнетущее, пессимистичное по пронизывающей всю драму атмосфере⁸. От каждой строки «Троянок» буквально веет какой-то безысходностью, и это тем более бросается в глаза, что фабула пьесы – победа греков в Троянской войне, – казалось бы, настраивала, наоборот, на оптимистический лад.

Традиционно считается, что в данной особенности «Троянок» отразились тревожные предчувствия, обуревавшие значительную часть афинского общества в период планирования и подготовки Сицилийской экспедиции. Вполне возможно, что так оно и было, хотя, строго говоря, полной уверенности в этом нет, – особенно если учитывать, что к весне 415 г. до н.э., когда шли дебаты об отправке флота, трагедия должна была быть уже завершена и готова к постановке на Дионисиях. А литературные шедевры, как известно, не создаются одним росчерком пера; для их написания требуется определенное время.

В. Вилль предлагает посмотреть на всю проблему в иной перспективе, – так сказать, не из будущего, а из прошлого. Он выдвигает мысль о том, что главное влияние на Еврипида в процессе работы над «Троянками», в центре которых стоит описание горестей и лишений троянских пленниц, оказали именно события на Мелосе, прежде всего бесчеловечная расправа над его жителями. В пользу своей точки зрения ученый приводит ряд аргументов. Не все эти доводы выглядят одинаково весомыми, поскольку многие из них зиждутся на интерпретациях тех или иных строк еврипидовской драмы, а интерпретации – вещь достаточно субъективная. Ведь сам же автор вынужден признать, что в пьесе «...прямых намеков на судьбу Мелоса нельзя найти. По крайней мере, мы ныне уже не можем их идентифицировать» (с. 40).

Тем не менее в целом гипотеза немецкого антиковеда выглядит весьма убедительно. Пожалуй, предложенное им объяснение исторического контекста создания «Троянок» может быть даже названо предпочтительным по сравнению с любыми другими, предлагавшимися ранее.

Следующая глава – «Erga II. Лето анархии (415 г. до н.э.)» (с. 43–57) – посвящена событиям, развертывавшимся практически сразу после мелосской кампании. В главе говорится о подготовке и отправлении Сицилийской экспедиции, но важнейшее место в ней занимает яркий и живой рассказ о громких религиозно-политических судебных процессах, имевших место в это время. Имеются в виду, конечно, тесно связанные друг с другом дела о повреждении герм и о профанации Элевсинских мистерий. Особенное внимание уделено той роли, которую сыграл в этих процессах будущий оратор Андокидом. Последний, уже взятый под стражу по подозрению в причастности к преступлениям, совершил донос, в котором обвинил ряд конкретных лиц, сам же за это получил амнистию. Впрочем, доносчика вскоре же окружила всеобщая ненависть, и он был вынужден надолго покинуть Афины.

В. Вилль отмечает, что все лица, названные Андокидом, либо уже фигурировали в следствии, либо к тому времени бежали из полиса. Из этого делается вывод, что Андокид и сам понятия не имел, кем были повреждены гермы (что и не удивительно: он был еще молодым человеком, всего лишь рядовым членом одной из гетерий), а просто повторял то, что и без него было известно. Естественно, он ставил перед собой единственную цель – спасти собственную жизнь, причем любой ценой; ради этого он не остановился даже перед тем, чтобы упомянуть в доносе своего отца. Но, с другой стороны, Андокид хотя бы не назвал в своем доносе никаких новых имен и, следовательно, не навлек судебного приговора на заведомо невиновных. И, в конце концов, «после показаний Андокида Афины вновь успокоились» (с. 55), острота ситуации была несколько снята.

Обрисовав ситуацию, характеризовавшуюся религиозной истерией и нарастанием хаоса, автор вводит в этот контекст новое действующее лицо своей книги – Диагора Мелосского по прозвищу «Безбожник» (ὁ ἄθεος). Ему посвящена очередная глава – «Logoi II. Диагор: мелосец» (с. 59–75). Диагор был чуть ли не самым известным представителем «канона знаменитых безбожников», сложившегося уже в античности⁹, но при этом информация о его жизни и деятельности достаточно скудна и противоречива¹⁰, и из источников, если отбросить малодо-

⁸ Интересный факт: Ж.-П. Сартр перевел «Троянок» Еврипида на французский язык. Очевидно, выдающемуся философу-экзистенциалисту и автору «Тошноты», человеку, который наряду с А. Камю провозгласил лозунг абсурдности бытия, оказался в чем-то конгениален пафос именно этой еврипидовской вещи.

⁹ Из многочисленных работ об этом каноне особенно полезной представляется статья: Winiarczyk M. Wer galt im Altertum als Atheist? // *Philologus*. 1984. 128. 2. S. 157–183. В ней даны наиболее полные ссылки на свидетельства источников по всем конкретным персоналиям.

¹⁰ Самую полную подборку свидетельств источников о Диагоре и немногочисленных сохранившихся фрагментов его сочинений см. в работе: Jacoby F. *Diagoras ὁ ἄθεος*. В., 1959.

стоверные анекдоты позднейшего происхождения, можно почерпнуть, в сущности, лишь следующее. Вначале Диагор был поэтом, человеком вполне благочестивым, и будто бы даже составил законы для Мантинеи; Ф. Якоби относит это событие еще к 460-м годам до н.э., а В. Вилль – к концу 420-х (с. 68), и, кажется, с большим основанием, иначе приходится предположить слишком уж раннее начало деятельности человека, который был активен еще около 415 г. до н.э.

Затем Диагор внезапно перешел на позиции полного атеизма (причем по чисто эмпирическим¹¹, а не каким-то философским соображениям) и написал направленную против богов книгу *Ἀποτυρίζοντες λόγοι*¹². Наконец, известно, что он был осужден афинянами за нечестие, приговорен к смертной казни, бежал, и за его голову была даже объявлена награда. А конкретным поводом для осуждения послужило обвинение в профанации мистерий. Пожалуй, судебный процесс – единственный факт из жизни Диагора, который может быть признан безусловно достоверным. Но даже и относительно его датировки полного согласия нет. Обычно считается (и это представляется верным), что суд имел место в 415/414 г. до н.э. Однако Якоби полагал, что Диагор был впервые осужден еще в 430-е годы до н.э., на гребне тогдашней «волны» процессов о «нечестии» (процессы Анаксагора, Фидия, Аспасии), а в 415 г. до н.э., в ходе второй «волны» процессов такого же рода, приговор был лишь подтвержден.

Совершенно иную позицию занимает по этому вопросу автор рецензируемой монографии. Он выдвигает тезис, согласно которому атеизм Диагора имел политические корни. Вначале мелосский мыслитель был убежденным сторонником Афин и, в частности, выступая в роли законодателя в Мантинее, действовал именно как афинский эмиссар. Изменить же свою позицию Диагора заставило не что иное, как расправа афинян над его родным Мелосом. После этого он совершенно сознательно, вполне отдавая себе отчет в последствиях, идет на религиозное преступление: наносит удар по авторитету Элевсинских мистерий, совершив их профанацию. Делал он это вполне независимо от группы молодых афинских аристократов во главе с Алкивиадом, которые в том же самом году были замешаны в аналогичной профанации. Те действовали тайно, а Диагор – совершенно открыто, даже демонстративно. Главная цель, которую он перед собой ставил, заключалась в том, чтобы подорвать значение Элевсина в греческом мире, – конечно же, в пику Афинам. Ведь Элевсинские мистерии были одним из самых главных «козырей» афинской религиозной политики и религиозной пропаганды; Афины упорно добивались того, чтобы это празднество получило панэллинский статус.

Последний факт не вызывает никакого сомнения¹³. Но в целом ход рассуждений В. Вилля в этой главе выглядит едва ли не самым уязвимым местом во всей его книге. Не думаем, что поступок Диагора следует сводить к чистой «политике» и видеть в нем своеобразную месть за разгром Мелоса. Во всяком случае, эти мотивы вряд ли были основными. Диагор фигурирует в качестве «безбожника» уже в аристофановских комедиях 420-х годов до н.э., задолго до мелосских событий. Как упоминает сам же В. Вилль (с. 61), в источниках сообщается, что однажды он разрубил на дрова и сжег деревянную статую Геракла, да при этом еще и цинично добавил, что теперь Геракл вдобавок к своим двенадцати подвигам совершил тринадцатый. Не приходится удивляться, что человек, морально способный на подобное эпатазирующее поведение, оказался готов и к очередному демаршу в том же духе – пародированию священных мистерий. Последнее логично вытекает из взглядов Диагора и вряд ли требует еще каких-то особых объяснений.

На наш взгляд, связь между судьбой Диагора и судьбой Мелоса все-таки не исключена, но она может заключаться совсем в ином, как мы предположили (конечно, в сугубо гипотетической форме) еще до выхода книги В. Вилля¹⁴. В религиозно-политических судебных процессах последней трети V в. до н.э. было вынесено немало смертных приговоров, но далеко не во всех случаях их удалось привести в исполнение: многие обвиняемые (Анаксагор, Протагор, Алкивиад и целый ряд других «фигурантов» в делах о гермах и мистериях, несколько стратегов из числа победителей при Аргинусских островах) спаслись бегством – либо до, либо после

¹¹ По сообщениям античных авторов, Диагор ожидал, что боги накажут предавшего его друга, а когда этого не произошло, разуверился в их существовании.

¹² Адекватный перевод этого названия крайне труден, если вообще возможен, поскольку слово *ἀποτυρίζοντες* – гапакс. Возможные толкования см. в рецензируемой книге В. Вилля (с. 62).

¹³ Подробнее см. *Clinton K. The Eleusinian Mysteries and Panhellenism in Democratic Athens // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 161–172.*

¹⁴ *Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М., 2002. С. 265.*

осуждения¹⁵. Но только в одном-единственном случае была применена столь суровая мера, как объявление в розыск и назначение награды за голову. И это именно случай с Диагором. В чем же причина? Может быть в том, что мелосец совершил особо тяжелое кощунство, надругавшись над Элевсинскими мистериями? Но ровно такое же кощунство инкриминировалось и Алкивиаду (за это полисным жрецам было даже приказано его проклясть). Однако же его никто не разыскивал, «цена за голову» не назначалась. На полвека раньше вот так же ловили по всей Греции Фемистокла, что, собственно, и заставило последнего укрыться при персидском дворе. Но суд над Фемистоклом имел совершенно иной, практически «панэллинский» характер¹⁶; он проходил хотя и в Афинах, но по инициативе Спарты – гегемона еще официально не распавшегося к тому времени Эллинского союза.

Что же касается процесса Диагора, он был сугубо афинским внутренним делом. Тем более непонятно такое ожесточение по отношению именно к этому «безбожнику» – все-таки лишь одному из многих. Мы допускаем возможность, что оно было обусловлено не чем иным, как мелосским происхождением Диагора. Ведь, овладев Мелосом, афиняне перебили всех взрослых мужчин. Диагор был мелосцем и был взрослым мужчиной; следовательно, его тоже нужно было поймать и убить.

В главе «Erga III. Война на два фронта (414/413 г. до н.э.)» (с. 77–93) речь идет о событиях после отправки афинского флота на Сицилию, который, как известно, в конечном счете подвергся полному разгрому. Из военных эпизодов этого периода особо пристальное внимание В. Вилля привлекает один, казалось бы, не столь уж и значительный инцидент. В Афины в качестве подкрепления прибыл отряд фракийских пелтастов. Планировалось направить их на Сицилию с отбывавшей туда на помощь Никии эскадрой Демосфена. Но фракийцы опоздали: к моменту их прихода Демосфен был уже в пути. Афинским властям ничего не оставалось, как отослать не пригодившихся союзников обратно на родину. Сопровождать их поручили стратегу Диитрефу, причем последний получил директиву заодно «нанести, если возможно, с их помощью вред неприятелю»¹⁷ (Thuc. VII. 29. 1). По пути во Фракию Диитреф причалил у берегов Беотии и приказал своим подопечным захватить небольшой городок Микалесс. Ворвавшись в город, фракийские воины учинили беспощадную резню мирного населения. Но закрепиться в Микалессе они не смогли: подоспевшее фиванское ополчение нанесло им поражение.

Почему же ученый так подробно освещает именно этот случай? Прежде всего потому, что соответствующий рассказ Фукидида – один из самых ярких и эмоциональных во всем его труде. «Ворвавшись в Микалесс, фракийцы стали разорять дома и святилища, убивать людей, не давая пощады ни старым, ни молодым, резали всех подряд, кого ни встречали, без разбора – и женщин, и детей, и даже вьючных животных и вообще – все живое, что попадалось на глаза... В городе начался страшный погром и всеобщая резня. Варвары напали, между прочим, на детскую школу, самую большую в городе, и перерезали всех детей, когда те только что пришли туда. Это было несчастье, неожиданно обрушившееся на весь город, страшнее которого не могло быть... Такова была участь Микалесса, испытывавшего бедствие, которое, сравнительно с величиной города, было самым тяжким и прискорбным среди бедствий, постигших Элладу в течение этой войны» (Thuc. VII. 29–30).

В. Вилль сравнивает это описание с описанием взятия Мелоса у того же Фукидида и с полным основанием замечает резкий контраст. С одной стороны – риторический пафос, нагнетание «ужасов»; все направлено на то, чтобы вызвать у читателей слезы сострадания и скорби (чего стоит одна сцена с детьми в школе!). С другой стороны – всего лишь несколько сухих, бесстрастных строк: «Мелосцам пришлось сдаться на милость победителей. Афиняне перебили всех взрослых мужчин и обратили в рабство женщин и детей. Затем они колонизовали остров, отправив туда 500 поселенцев» (Thuc. V. 116).

Итак, в одном случае повествование намеренно сделано подробным, а в другом – сжато до предельно возможного минимума. А между тем речь идет о зверствах примерно одного по-

¹⁵ Вполне мог бежать из Афин и Сократ, но сознательно отказался сделать это. Данному сюжету целиком посвящен диалог Платона «Критон», из которого недвусмысленно следует, что, если бы философ тайно покинул полис, афинские власти посмотрели бы на это «сквозь пальцы» и уж, во всяком случае, не стали бы разыскивать его. Уже много десятилетий спустя в «нечестии» был обвинен еще один великий философ – Аристотель. Но и он тоже обратился к испытанному способу и спасся бегством.

¹⁶ См. о нем: *Ruggeri C. Il processo 'panellenico' di Temistocle // Processi e politica nel mondo antico. Milano, 1996. P. 29–35; Thommen L. Spielräume der Demokratie. Der Prozeß gegen Themistokles // Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000. S. 81–95.*

¹⁷ Фукидид здесь и далее цитируется в переводе Г.А. Стратановского.

рядка. И еще неизвестно, что хуже: массовые убийства в пароксизме дикой ярости или такие же массовые убийства, но принимающие форму спокойной, хладнокровной казни. Все это, кстати, позволяет В. Виллю сделать завершающей фразой всей своей книги (в «Эпилоге», с. 127) достаточно парадоксальное суждение: «Падение Мелоса Фукидида не интересовало».

Но почему же в таком случае историк Пелопоннесской войны делает эпизод с Мелосом, как считает сам же автор, композиционным и концептуальным центром своего труда, почему вводит именно в этом месте такой ключевой, программный пассаж, как «Мелосский диалог»? Попытке ответа на этот вопрос посвящена глава «Logoi III. Мелосский диалог Фукидида» (с. 95–123), самая большая в книге (главным образом за счет того, что диалог в ней полностью процитирован в немецком переводе и детально прокомментирован). В ней данный текст рассматривается в контексте эволюции Фукидида как историка и мыслителя. Взгляды В. Вилля на эту эволюцию довольно своеобразны и, несомненно, субъективны. Нам уже доводилось их критиковать (в упоминавшейся выше рецензии на монографию «Фукидид и Перикл»); наши особые возражения вызывала категорическая уверенность исследователя в том, что он может точно распознать, в какой конкретной последовательности были написаны различные части «Истории». На тех же позициях В. Вилль остается и в новой своей книге, и ими обусловлены его соответствующие построения.

Диалог между афинянами и мелосцами, по мнению ученого, был написан Фукидидом уже на завершающем этапе его работы, после окончания Пелопоннесской войны, и инкорпорирован на рубеже между пятой и шестой книгами труда. Следовательно, историк к тому моменту обладал знаниями о поражениях Афин в последнее десятилетие конфликта, и прежде всего о сицилийской катастрофе. Именно «сквозь призму Сицилии» надлежит читать «Мелосский диалог».

Особенно обращает в данной связи на себя внимание следующий аргумент мелосцев (в ответ на заявление афинян, что они неизмеримо сильнее и сопротивление бессмысленно): «Как известно, военное счастье иной раз благоприятствует даже более слабому, и разница в силах обоих противников не дает безусловного перевеса одному из них» (Thuc. V. 102). Афиняне не обращают на этот довод никакого внимания, и это становится их роковой ошибкой: вскоре они терпят поражение от Сиракуз, несмотря на то, что те были слабее. А если рассматривать данное утверждение мелосцев в ретроспективе, то оно опять же оказывается верным: ведь одержали же эллины победу в Греко-персидских войнах над несравненно более могучей Ахеменидской державой¹⁸.

«Мелосский диалог» служит для Фукидида также поводом для введения общих размышлений о пресловутой «человеческой природе». Эта последняя интересует историка и в целом на всем протяжении его труда (см. наиболее яркие пассажи: II. 52–53; III. 82–84) и оценивается им скорее пессимистически, без каких-либо радужных иллюзий. Так и здесь, – с тем отличием, что речь идет уже не об отдельных индивидах, а о «коллективных личностях», государствах. Соответствующие представления Фукидида В. Вилль резюмирует так: «Каждое государство стремится к экспансии, каждая великая держава развивается в сторону тирании, приобретает насильственный характер... Право ценится только там, где равные силы парализуют друг друга. Оно является в чистом виде орудием сильного для того, чтобы слабый оставался слабым, и представляет собой правила игры, созданные только для подчиненных. Слабый покоряется или пытается стать сильнее. Способ сделать это для него тот же самый, что и для сильного: насилие... Общая движущая сила, которая не знает ни добра, ни зла, препятствует любой моральной оценке и не оставляет никакой надежды» (с. 119). Против этих суровых законов Фукидид не имеет никаких возражений; он считает их естественными и неизбежными, логично вытекающими из «человеческой природы».

Книгу завершают совсем коротенькая главка «Erga IV. Падение Афин (404 г. до н.э.)» (с. 125–126) и столь же краткий «Эпилог» (с. 127). Они уже ничего существенного нового к авторской позиции не приносят.

Подводя итоги и давая рецензируемой работе общую оценку, повторим сказанное вначале: по своим характеристикам она в наибольшей степени напоминает эссе и, соответственно, содержит в себе все сильные и слабые стороны этого жанра. Такие книги, бесспорно, тоже нужны в историографии – хотя бы для того, чтобы оттачивать *ars interpretandi*. Но, с другой стороны, наверное, хорошо и то, что не вся антиковедческая литература состоит из подобных книг.

И.Е. Суриков

¹⁸ Ср. указание на иной аспект проблемы «Афины – Мелос – Персия» в кн.: Connors. Op. cit. P. 157. Расправляясь с греческим островным полисом, Афины уподобляются Персии и тем самым обрекают себя на конечное поражение.